

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Чего не делать

По мере того, как растет и крепнет движение российского пролетариата, роль, исполняемая его сознательными представителями, становится все более и более ответственной. Прежде, в эпоху так называемой теперь кружковщины, — которую, впрочем, не следует поминать лихом, потому что она завещала нам немало ценных приобретений, — вредные последствия наших ошибок ограничивались узкими пределами одного или нескольких *кружков*. Теперь, когда мы имеем дело с *массой*, влияние это стало несравненно шире. А когда Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия¹ получит, наконец, столь необходимую для нее централистическую организацию, тогда каждая ошибка, сделанная центром, неизбежно будет распространяться по всей округности. Кому много дано, с того много и взыщется. В нашем центре нам нужны люди, отличающиеся не только смелостью, решительностью и настойчивостью, но также и огромной *осмотрительностью*. Они должны быть, поистине, *мудры, как змии*.

Но первым признаком политической мудрости является умение считаться с данным положением дел. Кто не обладает таким умением, тот не рожден для политической деятельности и тот поступит благоразумнее, если будет отклонять от себя всякие ответственные политические роли. Политика требует от людей, занимающихся ею, большой гибкости ума; она не знает неизменных, раз навсегда данных правил. Это само собою разумеется, но об этом не бесполезно напомнить теперь, когда в нашей среде стала распространяться склонность к подобным правилам, грозящая принести большой вред нашей партии. Мы знаем, что эта склонность вышла из весьма

почтенного источника. Она возникла как реакция против той беззаботности насчет политических принципов, которой так невыгодно отличались наши «экономисты». Но эта реакция, к сожалению, в свою очередь приводит к совершенно нежелательной крайности и обещает придать всему нашему политическому мышлению тот же *метафизический* характер, каким отличалось, к величайшему вреду для нашего дела, мышление «экономистов». Экономисты рассуждали по формуле: «да — да, нет — нет, что сверх того, то от лукавого». Они показали себя совершенно неспособными возвыситься до *диалектики*, основное положение которой гласит, что отвлеченной истины нет, что истина всегда конкретна и что все зависит от обстоятельств времени и места. Борьба с этими упрямыми, неисправимыми метафизиками была необходима в интересах революционного движения. Но если, одержав над ними полную победу, мы станем подражать их приемам мысли, если мы сами ударимся в политическую односторонность, то наша победа окажется далеко не такой плодотворной, какою мы ее считали до сих пор. Более того. В таком случае иной насмешник не без основания спросит нас, пожалуй: да кто же, собственно, победил — вы или ваши противники?

Товарищ Ленин, в статье, посвященной нашей аграрной программе и напечатанной в четвертой книжке «Зари»², остроумно пошутил над «прямолинейностью известной птицы». Его остроумную шутку следует почаще вспоминать не только в прениях об аграрном вопросе. «Прямолинейность известной птицы» в практической политике еще опаснее, нежели в теоретических рассуждениях. Она тем более опасна здесь, что легко может быть принята за *твердость характера*, с которой она на самом деле не имеет ровно ничего общего, гораздо легче уживаясь с обыкновенным упрямством, отнюдь еще не обеспечивающим ни ясности политической мысли, ни твердого стремления к раз намеченной цели: известно ведь, что прямолинейные и упрямые люди часто бывают непостоянны.

В политике неизменные, раз навсегда принятые правила неизбежно и быстро ведут к *поражению*. Кто хочет стать достойным *победы*, у того должно оставаться неизменным одно только желание во что бы то ни стало прийти к своей цели. Все остальное у него может и должно быть изменчиво, потому что все остальное имеет для него лишь *относительную* ценность.

Следующий пример хорошо, надеемся, покажет, до какой степени нужно нам остерегаться «прямолинейности известной птицы».

Все мы, так называемые ортодоксы, — иначе: сторонники революционной социал-демократии, — обязаны вести энергичную и непримиримую борьбу с «*ревизионизмом*» во всех его видах и разновидностях. Ревизионизм совершенно несогласим с нашими взглядами. Его конечный вывод — полное отрицание *социализма*. Поэтому помириться с ревизионизмом может только тот, кто сознательно или бессознательно склоняется к примирению с существующим, *буржуазным*, порядком вещей. Таково общее правило. Спрашивается, значит ли оно, что, всегда враждуя с *ревизионизмом*, мы всегда и везде обязаны враждовать с *ревизионистами*? Люди, отличающиеся «прямолинейностью известной птицы», конечно, скажут, что — *да*. Мы же полагаем, что здесь, как и везде, наша практическая политика должна определяться обстоятельствами времени и места. Это кажется странным. Однако читатель сейчас увидит, что в действительности тут нет ничего странного.

Представьте себе, что наш центр, — который, разумеется, должен состоять из решительных и непримиримых врагов «*ревизионизма*», — имеет дело с одной или несколькими группами таких социал-демократов, которые прежде поддавались влиянию «*ревизионизма*» и боролись с «*ортодоксами*» во имя «свободы критики», но теперь увидели ту опасность, которая в нем заключается, признали все основное, положения «*ортодоксального*» социализма, — марксизма тоже, — и теперь только вследствие некоторой непоследовательности и, так сказать, *инертности* мысли защищают те или другие «*догмы*», любезные «*ревизионистам*». Как должен отнестись наш центр к таким группам? Предать их анафеме? Исключить их из партии? Это было бы, пожалуй, легко и уж, конечно, как нельзя более «*прямолинейно*». Но было ли бы это целесообразно? Другими словами: было ли бы это полезно *для единства нашей партии и для борьбы с тем же «ревизионизмом»*? Мы думаем, что — *нет*.

Зачем же мы воюем с «*ревизионистами*»? Затем, чтобы лишить их влияния на пролетариат, которому они указывают ложную дорогу. Стало быть, война с ними ведется не ради войны, а имеет целью ослабление «*ревизионизма*», и если она не достигает этой цели, если, по той или другой причине, она не только не *ослабляет* названного влияния, а *усиливает* его, то она становится *вредной*

и тогда лучше всего прекратить ее как можно скорее. Но в случае, предложенном нами выше, война с «ревизионистами» привела бы именно не к ослаблению, а к усилению влияния «ревизионизма», так как она помешала бы некоторой части социал-демократов разорвать с ним окончательно или даже заставила бы их опять сблизиться с ним. Поэтому она была бы вредна для партии, и тот, кто сказал бы, что она все-таки должна быть объявлена, обнаружил бы непростительный педантизм и страшную близорукость. Наш центр должен обладать большим запасом *воинственности*: воинственность необходима ему как представителю революционного класса. Но там, где интересы нашей партии требуют *мира*, он обязан быть *миролюбивым, мягким и уступчивым*. Руководитель организованного пролетариата, отстаивающий дело первостепенной важности, он не *имеет права* поддаваться своим воинственным *наклонностям*, когда они противоречат *политическому расчету*.

Очень смешны и, если хотите, жалки те мягкотелые люди, которые вот уже много и много лет, с упорством, достойным гораздо лучшей участи, плаксиво рекомендуют нам «товарищеские приемы в полемике». Но почему они смешны и жалки? Только потому, что по своей политической наивности они хотят навязать нам в товарищи таких... «товарищей», которые совсем не способны идти с нами по одной дороге. А если бы они советовали нам щадить таких противников, которые *могут* быть нашими товарищами и уже *становятся ими*, то их советы были бы очень разумны, а потому и сами они заслуживали бы похвалы, а не насмешки. Резкость хороша только там, где она уместна. Неуместная же резкость достойна скорее Собакевича³, чем «ортодоксального» социал-демократа.

Вопрос о том, уместна или неуместна резкость в том или другом отдельном случае, конечно, может быть решен только путем взвешивания всех, свойственных этому случаю, обстоятельств. Но не подлежит никакому сомнению, что в настоящее время нам не следует быть резкими по отношению к товарищам, некогда склонявшимся к «экономизму». К великой чести этих товарищей надо сказать, что огромное большинство их, увидев, куда ведет бернштейнианство, родственное «экономизму» по приемам мысли, стало все более и более сблизаться с нами и признало все главные положения «ортодоксального» социализма. У нас, правда, и теперь еще есть о чем поспорить со многими из них; разногласия не вполне

исчезли. Но теперь эти разногласия так *несущественны*, что горячиться и ссориться из-за них совсем не стоит. И было бы очень вредно для нашего дела, если бы эти, повторяем, несущественные разногласия продолжали делить нас на два враждебных лагеря.

Прежде мы *боролись*; теперь мы можем ограничиться *обменом мыслей*. Прежде у нас были сторонники «Зари» и «Искры»⁴ и были сторонники «Рабочего дела» и «Красного знамени»⁵, теперь у нас должны были бы быть только сторонники *революционной социал-демократии*, воззрения которых, — как бы они ни расходились между собою в частностях, — с удобством могли бы выражаться на страницах одного и того же органа, гостеприимно открытого и для тех и для других. Этого *еще нет*: но это уже *могло бы быть* с большой пользой для нашей партии, и потому *надо, чтобы это было*. Во всяком случае мы не должны делать ничего такого, что способно было бы этому *воспрепятствовать*.

В настоящее время, когда наша партия вышла, — или, по крайней мере, готовится выйти, — из своего детского возраста, нам не мешало бы бросить критический взгляд на свои собственные политические представления и спросить себя, нет ли между ними таких, которые приличны только детям. Такие представления, несомненно, существуют. Укажем пока одно из них. У нас многие привыкли думать, что социал-демократ должен быть неуступчив, если не желает грешить оппортунизмом. Но неуступчивость неуступчивости рознь, и есть такая неуступчивость, которая, *по своим практическим последствиям*, равносильна самому нежелательному виду *уступчивости*. Неуступчивость по отношению к тем, которые могли бы стать нашими товарищами, делает нас менее сильными в борьбе с такими противниками, которые нашими товарищами никогда не будут. Пользуясь нашей слабостью, эти противники захватывают такие позиции, которые принадлежат нам по праву. И выходит, что ложный стыд перед уступчивостью делает нас поневоле уступчивыми там, где уступчивость становится обязательной.

Для своего полного расцвета движение рабочего класса нуждается в известных правовых учреждениях, обеспечивающих ему некоторую степень *политической свободы*. Где отсутствует эта свобода, движение происходит при ненормальных условиях. И одним из самых вредных последствий такой ненормальности является *сектантский дух исключительности*, нередко проявляющийся

во взаимных отношениях организованных фракций пролетариата. Этот сектантский дух составляет одновременно одно из следствий и одну из причин слабости социализма. Великие интересы рабочего класса требуют от нас, чтобы мы сделали все человечески возможное для устранения из нашей среды такого вредного духа. Теперь это нужнее, чем когда бы то ни было. По мере того, как совершается развитие нашей общественной жизни и по мере того, как обостряются классовые противоречия, свойственные нашему обществу, растет и число сознательных врагов революционной социал-демократии, а вследствие того и ее политическое положение становится, в некотором смысле, все более и более трудным. Чтобы справиться с возрастающими трудностями нашего положения, нам нужно привлечь в наши ряды всех тех, которые могут быть нам полезны, а полезны нам будут все те, которые, твердо держась точки зрения пролетариата, обладают в то же время желанием и способностью к планомерной, организованной работе. И мы, конечно, привлечем к себе все эти полезные элементы, если только сумеем понять лежащие на нас практические обязанности и не станем подражать «прямолинейной птице».

Другой пример. В числе тех задач, которые мы должны решить под страхом самого губительного застоя, нет задачи более важной, чем *задача нашего самовоспитания в духе партийной дисциплины*. Без дисциплины вообще немислимо никакое организованное политическое действие. Тем более необходима она при наших российских условиях, лишающих нас всякой законной возможности действовать открыто. Наконец, еще более нужно стремиться к самовоспитанию в духе дисциплины нам, русским революционерам, главный недостаток которых заключается, как известно, в *анархическом индивидуализме*, чрезвычайно затрудняющем дружную совместную работу. Наш центр *обязан* очень строго относиться к нарушению дисциплины в наших рядах. И, тем не менее, было бы очень жаль, если бы он временами не умел воздержаться от исполнения этой своей важной обязанности. Когда речь идет о дисциплине, ему нужно быть втроене осмотрительным и осторожным. Та дисциплина, к которой мы стремимся, совсем не то, что дисциплина, царствующая в казарме. Солдат подчиняется начальству *по принуждению*: мы исполняем, — когда исполняем, — требования партийной дисциплины *по доброй воле*. Добрая воля революционера составляет *един-*

ственную психологическую основу нашей дисциплины. Все, что укрепляет эту основу, полезно для нашего революционного воспитания, все, что расшатывает ее, вредно для него. Укрепляется она многими и разнообразными воздействиями. Мы не станем перечислять их: это было бы слишком долго. Скажем только, что в их ряду *требование повиновения* занимает не первое место. Далеко нет! Очень часто у российского революционера является непобедимое желание нарушить дисциплину именно потому, что ему напоминают о ней. Это, разумеется, очень нехорошо, и это коренится в чувстве, не имеющем ровно ничего общего с преданностью революционной идее. Но, к сожалению, это так, и с этим нельзя не считаться. Если бы мы позабыли об этом или если бы мы не сочли нужным принимать во внимание психологию современного российского революционера, то наши усилия привели бы нас к цели, прямо противоположной той, к которой мы стремимся, т. е. *вместо того, чтобы организовать партию, мы содействовали бы ее дезорганизации, и вместо того, чтобы воспитывать себя в духе дисциплины, мы укрепляли бы свою склонность к анархии*. А это было бы уже совсем плохой услугой партии. При таком положении дел ясно, что несвоевременная требовательность легко может оказаться, по своим последствиям для дела, хуже всякой слабости. Ясно также, что в интересах поддержания и укрепления дисциплины иногда бывает полезно закрыть глаза на ее нарушение. Ясно, наконец, что об этом нужно почаще вспоминать именно теперь, когда мы только начали закладывать основы нашей партийной организации и когда частые случаи нарушения дисциплины неизбежны просто в силу плохой привычки, унаследованной от долгой эпохи разброда и «кустарничества». Неудобная всегда и везде «прямолинейность известной птицы» неудобна для нас в настоящее время более, чем когда-нибудь, потому что теперь она может привести нашу партию *буквально на край гибели*.

Одним словом, мы обязаны избегать всего того, что могло бы вызвать в нашей среде новые *расколы*. Расколов у нас было слишком много, и они принесли нам слишком много вреда. Теперь надо всеми силами охранять *единство*. Наша партия должна сохранить его под страхом полной потери политического кредита. Если у нас возникнут новые расколы, то рабочие, — которых, как это всякий знает, немало смущали и прежние наши распри, — совершенно

перестанут понимать нас, и мы явим миру печальное и смешное зрелище штаба, покинутого армией и деморализованного внутренней борьбой. Кому принесет пользу этот плачевный для нас результат, догадаться нетрудно.

Не бойтесь, — говорят некоторые, слишком радужно настроенные товарищи, — будущее все-таки принадлежит нам, и наша партия с честью выйдет из всех затруднений. На это мы отвечаем, что мы и сами твердо уверены в будущем торжестве российской социал-демократии, но эта отрадная уверенность совсем не избавляет нас от священной обязанности критически, относиться к своим собственным поступкам. Торжество нашей партии будет подготовлено совокупностью условий, из которых иные будут иметь *положительное*, а иные *отрицательное* значение. Было бы из рук вон плохо, если бы в этой алгебраической сумме перед знаком, изображающим *нашу* практическую деятельность, стоял *минус*. Ведь более жестокой насмешки судьбы, более злой иронии истории невозможно и придумать.

Есть между нами еще один разряд оптимистов, плохо уяснивших себе нынешнее положение дел. Оптимисты этого разряда убеждены, что новые расколы были бы не вредны, а скорее полезны для нашей партии. В пользу этого странного мнения не приводится других доводов, кроме того, что российская социал-демократия сильно выросла именно в последние годы, когда ее раздирали жестокие междоусобия. При этом упускают из виду, что междоусобия *не помогли росту социал-демократии, а замедляли его. Забывают, кроме того, что чем, менее значительны разногласия, существующие между членами одной и той же партии, тем вреднее для нее расколы, вызываемые такими разногласиями.* Когда мы воевали с «экономистами», всякий неглупый человек мог без труда понять, из-за чего ведется война. А теперь в наших рядах господствует такое единомыслие, что новый раскол не имел бы никакого серьезного основания и показался бы понятным и извинительным разве только глупым людям. А потому и кредиту нашей партии он повредил бы несравненно сильнее, чем вредили ему прежние, тоже очень вредные расколы.

Все течет, все изменяется. Наши приемы деятельности тоже не могут оставаться без перемен. Чеховский «человек в футляре» был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто

на вате. Нам, социал-демократам, футляры не к лицу, и было бы очень смешно и очень плохо, если бы мы не сообразовались с требованиями политической погоды. Последовательные марксисты не могут быть и, конечно, не будут *утопистами* централизма.

Ответ на письмо тов. Ленина (От редакции «Искры»)

Печатая здесь интересное письмо тов. Ленина, мы считаем необходимым сделать по его поводу несколько замечаний.

Мы очень рады, что этому товарищу понравилась наша статья «Чего не делать», и мы безусловно согласны с тем, что нам нужно «света, больше света». Да и кто мог бы не согласиться с этим? Но в наше время, когда известно так много различных способов освещения, нельзя не знать, что свет свету рознь. Партия, опирающаяся *на массу*, должна защищать великие *классовые интересы*, и ей нужен такой свет, при котором они выступали бы с наибольшей выпуклостью. А это совсем не тот свет, в котором нуждаются люди, привыкшие вглядываться в мелочи и дразги кружковой жизни, которые могут казаться важными и достойными освещения лишь до тех пор, пока великие классовые интересы не сделались могучими факторами общественного развития. Тов. Ленин и сам советует «решительно отбросить традиции сектантской кружковщины». Очень кстати также тов. Ленин решительно заявил о своем отрицательном отношении к «собакевическим» приемам организационной политики. Чем чаще влиятельные в партии товарищи будут напоминать о вредности таких приемов, тем невозможнее станут заявления, подобные слышанному нами, о том, что не раньше можно будет заняться положительной организационной работой в нашей партии, чем из ее среды будут выброшены все «бундофилы», «рабочедельцы» и «южно-рабоченцы» (от группы «Южный Рабочий»). Такие заявления могут только компрометировать точку зрения революционной социал-демократии, и тов. Ленин очень хорошо сделал, подчеркнув свое насмешливо-отрицательное отношение к революционным Собакевичам (которых, впрочем,